

Сергей Максудов

***К проблеме изучения размеров и характера эвакуации в годы
Великой Отечественной войны***

*Sergey Maksudov (Davis Center of Russian and Eurasian studies at Harvard University, USA)
On the scale and conditions of evacuation during the Great Patriotic War*

DOI: 10.31857/S086956870005128-1

Под эвакуацией я буду понимать перемещение людей из западных районов СССР, которые стали или могли стать зоной боевых действий и оказаться занятыми врагом, в восточные, относительно безопасные в этом отношении. За рамками останутся движение воинских контингентов и вывоз раненых, перемещение военнопленных и депортации народов. Оценка размеров миграции необходима не только для того, чтобы получить более полное представление о положении в годы войны, но и для более точного расчёта размеров потерь — как для отдельных регионов, так и для всей страны. Убыль на фронте и в тылу имеет надёжные и хорошо разработанные методы изучения, в то время как часто перемещавшиеся эвакуированные легко могли быть пропущены при учёте.

Наиболее ценным источником для изучения эвакуации являются картотеки эвакуированных в архивах государств, возникших на территории бывшего СССР. Учёные предлагают создать компьютерную базу данных имён беженцев Второй мировой войны, содержащую сведения об их возрасте, поле, профессиях, местах работы, прежних и новых местах жительства. Для этого можно использовать списки и картотеки, хранящиеся в центральных и областных архивах России, Белоруссии, Казахстана и ряда других республик бывшего СССР и в Центре розыска и информации Российского Красного Креста. Предлагаемая база данных даст возможность изучить численность, социально-демографический и национальный состав беженцев. Конечно, поиск, просмотр и компьютеризация всех этих материалов — огромная работа, однако она очень важна для будущих исследований.

При этом следует иметь в виду, что в ряде областей беженцы долгое время оставались в картотеке, хотя давно уже убыли дальше на восток. Кроме того, сведения картотек не учитывают всех беженцев — особенно поселившихся в сельской местности или небольших населённых пунктах, в частности, перенявших на восток скот и колхозную технику, а также переселяемых целыми колхозами. При этом в ходе эвакуации и на местах временного проживания отмечалась высокая смертность беженцев и, естественно, умершие не входят в итоговые картотеки. Наконец, не стоит забывать, что часть переселенцев осела в районах, оказавшихся через некоторое время под оккупацией.

Для оценки общей численности необходимо использовать и материалы картотек, и массивы документов о выбытии из населённых пунктов, и данные транспортной статистики, и сведения о численности населения в некоторых оккупированных городах. Не следует пренебрегать и официальными данными, направлявшимися правительству местными властями и органами статучёта. В западной историографии распространено представление, что, поскольку советские инстанции полностью зависели от правительства, в ответе на вопрос о количестве эвакуированных подчинённые ориентировались на установки начальства. Иногда это действительно было так, но в то же время государственная система нуждалась в достоверной информации, и таковую старались получить.

Постановление об эвакуации было принято ЦК ВКП(б) и СНК СССР 27 июня 1941 г. В первую очередь вывозились «важнейшие промышленные ценности» и «квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуированными предприятиями, население (в первую очередь молодёжь), годное для военной службы, ответственные советские, партийные работники»¹. Главной целью эвакуации являлось не столько спасение населения от угрозы уничтожения врагом, сколько сохранение необходимых для продолжения войны материальных и людских ресурсов, в частности вывоз оборонных предприятий и их работников. Об этом свидетельствовали даже названия и содержание соответствующих статей в советских энциклопедиях². Первоочередное право на эвакуацию получали мужчины призывных возрастов, сотрудники вывозимых предприятий и учреждений и члены их семей. Картотеки эвакуационных пунктов фиксировали лишь взрослое население (старше 16 лет). Сами пункты действовали только в больших городах и на узловых железнодорожных станциях, из-за чего учёт численности переселенцев был неполным.

В прифронтовой полосе организация эвакуации поручалась местным властям, командованию фронтами и военными округами, Наркомату транспорта. В развитие постановления ЦК и СНК командование Юго-Западного фронта приказало разработать план вывоза семей начсостава, предприятий Наркомата обороны (мастерские, склады, учреждения) с их инженерно-техническим составом и квалифицированной рабочей силой. Одновременно предлагалось составить план отвода населения. Направлять потоки жителей следовало «по просёлочным дорогам, не занятым передвижением войск, категорически запрещать отводить население по шоссе-ным дорогам»³.

Но практически с самого начала войны — намного раньше, чем были составлены планы организованной эвакуации, — с запада на восток хлынул стихийный поток беженцев. Бежали пешком, на телегах, попутных машинах. Жители выбирались из городов и посёлков и направлялись к родным, знакомым или куда глаза глядят, лишь бы подальше от угрозы плена. Нередко утверждают, что на каком-то этапе пути беженцы присоединялись к поездам с эвакуированными и в дальнейшем рассматривались советскими властями в качестве таковых. Иногда это имело место: Э. Ивенская, окончившая школу 21 июня 1941 г., рассказывала: «Уходим пешком. С небольшими рюкзаками за плечами, сшитыми мамой из отрезков тканей, заготовленных нам в приданое. Идём ночами, так как дороги простреливаются фашистскими самолётами. Направление — Великие Луки. Шли недели две, км 350. Нас погрузили на ст. Великие Луки на платформы и мы доехали до Ржева. Там уже эвакуационный пункт, погрузили в вагоны-телятники и поехали. Куда везут — никто не знает, но подальше от войны. На станции Бологое страшная бомбёжка, разгромлен наш поезд, много погибших, кругом смрад, горят цистерны с горючим. Нам повезло, в наш вагон бомба не попала, и через несколько дней едем дальше. Выгружаемся в Бугуруслане (Чкаловская обл.), и нас направляют в колхоз»⁴.

¹ Директива командования Юго-Западного фронта об организации эвакуации населения и материальных ценностей. 29 июня 1941 г. // Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. Киев, 1985. С. 252.

² Эвакуация материальных ценностей и людских ресурсов // Словарь-справочник. Великая Отечественная война. 1941—1945. М., 1985. С. 477.

³ Директива командования Юго-Западного фронта... С. 252—253.

⁴ Материалы из архива В. Снитковского (Бостонский Мемориал) — интервью с эмигрантами из СССР.

Не столкнулся с организованной эвакуацией и Ю. Малкин, которого война застала 11-летним подростком: «Когда Брянск быстро стал прифронтовым городом, отец ушёл в отряд, в лес, а крыша нашего дома была изрешечена пулями немецких юнкерсов. Вечером пришёл наш жилец, пожилой офицер. Сказал, что фронта нет, и если за ночь мы не уедем, то погибнем. Он знал, что говорил. Днём по центральной улице города 3-го Интернационала шли наши войска. Солдаты опирались друг на друга, винтовки тащились, на лица смотреть было тяжело — смертельная усталость и безразличие. Вестей от отца не было, взяли мы несколько буханок хлеба, бидон с топлёным маслом и мёдом, заготовленный мамой, денег было мало, а вещи наши не представляли ценности, добрались до железнодорожной станции. Там стоял товарный состав с обгоревшими вагонами. Влезли на открытую платформу и терпеливо ждали: выбора не было, а ночью горелый состав начал движение... Выбрались из фронтовой зоны, а затем в далёкой Башкирии пухли от голода, хотя иногда жмых и луковица помогали обмануть голод»⁵.

В справке Одесского обкома Центральному комитету КП(б)У от 15 октября 1941 г. (за несколько часов до оставления города) говорится: «Эвакуировано из города железнодорожным и водным транспортом 216 500 человек. В том числе: из районов Одесской обл. — 1 500, граждан Бессарабии — 60 000, членов семей военнослужащих — 18 000, граждан г. Одессы — 137 000. В указанное количество эвакуированных не вошли люди, эвакуация которых проходила помимо эвакуопункта различными способами и средствами передвижения (автотранспорт, гужтранспорт, железнодорожный транспорт до прекращения продажи билетов и проч.). По предварительным данным всего выбыло из города около 400 тыс. человек»⁶. Заметим, что население Одессы составляло приблизительно 600 тыс. человек. Город покинуло, таким образом, две трети жителей: 155 тыс. (25%) организованным порядком и примерно 250 тыс. (42%) бежали самостоятельно, кому как удалось. При этом неорганизованный выход населения усложнился уже в начале августа, когда город оказался блокирован с суши.

О трудностях, с которыми сталкивались пытавшиеся выбраться из Одессы морем, рассказал со слов своего дяди Мирона В. Снитковский: «В октябре стало ясно, что наши город не удержат, но пробиться на пароход было невозможно. Нужно было получить эвакуаталон, но желающих было больше, чем возможностей у флота. Фронт стоял уже у самого города. Утром в порт приходили корабли, а вечером на них увозили пленных, раненых и эвакуируемых... Отец по роду своей работы бывал в штабе укрепрайона. Однажды какой-то офицер спросил его, что делает он — пожилой еврей — в городе. Отец объяснил, что не может достать эвакуаталоны для семьи. Офицер сразу же пошёл к кому-то доложить, и мы на следующий день в сопровождении офицера были доставлены в порт. Там стояла очередь машин с особыми пропусками длиной в полкилометра. С левой стороны шли пешие с пожитками. Наш офицер стал на подножку, чтобы его видели и, обогнав очередь, подъехал к КПП. Благодаря офицеру нас и вещи никто не проверил, но мы дрожали изрядно. Дело в том, что вещи в мешках были накрыты брезентом, а под ним спряталась девушка — дочь наших знакомых. У неё не было эвакуаталона. Имя её я не запом-

⁵ Там же.

⁶ Справка, предоставленная Одесским обкомом партии Центральному комитету КП(б)У, о ходе эвакуации предприятий и учреждений и населения Одессы // Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 265—266.

нил». Корабль подорвался на mine в Керченском проливе, но всё же доплыл до Новороссийска. «Отцу удалось поговорить с предгорисполкома, которому он показал справку о том, что его сын Семён в армии, и письмо о том, что сын лежит в госпитале недалеко от Ростова. Нам разрешили остаться в порту и пообещали решить вопрос после того, как разгрузят порт»⁷. Следует заметить, что семье, трое сыновей которой служили в армии, удалось выбраться из города лишь случайно, с помощью знакомых.

В советской справочной литературе число эвакуированных оценивается, как правило, в 10—12 млн человек. Отвечавший за их учёт заместитель председателя СНК РСФСР К.Д. Памфилов 25 декабря 1941 г. сообщал заместителю председателя Совета по эвакуации при СНК СССР А.Н. Косыгину, что «по приближённым подсчётам было эвакуировано 10 000 000 человек»⁸. Не приходится сомневаться, что Панфилов знал, что в его картотеке учтены меньше 7 млн. Но он также знал, как производится учёт беженцев, какие категории под него не попадают и поэтому вносил в сведения соответствующие поправки. Маловероятно, что они диктовались какими-то ведомственными или политическими соображениями — вряд ли кто-то мог позволить себе сознательно исказить предназначавшуюся для руководства страны информацию.

Академик Г.А. Куманёв по результатам изучения переписи эвакуированного населения, проведённой в марте—апреле 1942 г., и ряда других неназванных источников пришёл к выводу, что в 1941—1942 гг. удалось эвакуировать 17 млн человек⁹. Цифра эта сильно расходится со сведениями картотек эвакуированных и, возможно, несколько завышена. Представляется, что уточнить её позволит полный учёт всех имеющихся материалов.

Официальные данные опираются преимущественно на транспортную статистику. «По железной дороге за вторую половину 1941 г. было переправлено... в тыл более 10 млн человек и водным транспортом — 2 млн»¹⁰. Существует и более подробная роспись: «В сложнейших условиях первых дней войны удалось эвакуировать 120 тыс. человек из прибалтийских республик, 300 тыс. — из Молдавии, более одного миллиона — из Белоруссии, 350 тыс. — из Киева, а всего из Украины — 3,5 млн, из Ленинграда — 1,7 млн, Москвы — 2 млн. До 1 февраля 1942 г. по железной дороге было эвакуировано 10,4 млн человек». В ходе эвакуации особое внимание обращали на вывоз детей и подростков: «В течение месяца из Ленинграда было вывезено 300 тыс. детей, из Москвы и пригородов — около 500 тыс. Эвакуация детей продолжалась и в последующем. Из Ленинграда в навигацию 1942 г. через Ладожское озеро было перевезено 130 тыс. детей. Только в тыловые районы РСФСР выехало около 2 тыс. детских домов (более 200 тыс. детей). На Восток были эвакуированы учащиеся 715 школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ с контингентом 125 тыс. человек»¹¹.

Несомненно, сведения транспортной статистики могут быть заметно преувеличены, поскольку эвакуированные нередко совершали на своём нелёгком пути остановки, а потом — при приближении немцев или по другим причинам — вновь отправлялись в путь. В ряде случаев места первоначальной эвакуации (Харьков, Сталинград, Ростов-на-Дону) оказывались под угрозой захвата

⁷ Материалы из архива В. Снитковского (Бостонский Мемориал).

⁸ Куманёв Г.А. Эвакуация населения из угрожаемых районов СССР в 1941—1942 гг. // Население России в XX веке... Т. 2. С. 60—81.

⁹ Там же.

¹⁰ Словарь-справочник. Великая Отечественная война. 1941—1945. С. 477.

¹¹ Великая Отечественная война. 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 801—803.

и скопившееся там население вынуждено было вновь трогаться в путь. Так что возможен двойной и даже тройной счёт. Наблюдается расхождение сведений о числе эвакуированных, прибывших в некоторые области, с данными, представленными местными властями в центр: по Свердловской обл. — 719 и 379 тыс. человек, по Чкаловской — 406 и 217 тыс. Но из этого не следует, что результаты транспортного учёта абсолютно не верны, некоторые из них совпадают с другими источниками.

Неплохо, на мой взгляд, подтверждается приведённая выше цифра о 350 тыс. эвакуированных из Киева. Перед войной в городе проживали 850—900 тыс. человек. Мобилизация в Красную армию и ополчение составила примерно 70 тыс., численность уничтоженных гитлеровцами евреев приблизительно равна 60—70 тыс. Несколько десятков тысяч человек в начале 1942 г. были отправлены на работу в Германию. Итого в городе должно было оставаться 350—400 тыс. человек. Перепись населения, проведённая немцами 1 апреля 1942 г., учла 352 тыс. жителей¹². Эти данные неплохо согласуются с советской оценкой численности эвакуированных¹³. Выше отмечалось, что к моменту оккупации Одессы там оставалось около трети довоенного населения. Похожая картина наблюдалась в Киеве и других крупных городах Украины. Так, в Харькове, насчитывавшем перед войной около 900 тыс. жителей, по немецкой переписи в декабре 1941 г. проживали 456 639 человек. Население Днепропетровска сократилось с 528 тыс. перед войной до 166 тыс. по данным немецкого учёта¹⁴.

Переселение сельских жителей на восток предусматривалось решением СНК СССР от 3 сентября 1941 г. и постановлением СНК УССР и ЦК КП(б)У от 4 сентября того же года. В областях и районах составлялись списки переселяемых колхозов, подавались заявки на транспорт и начинался перевоз населения, угон скота и вывоз зерна. Например, предусматривался переезд из Запорожской обл. в Саратовскую. Кроме того, повсеместно перебазировались МТС и сельскохозяйственная техника в сопровождении колхозников и рабочих совхозов. Скот отправлялся на восток главным образом своим ходом¹⁵.

О высокой смертности эвакуируемых от боевых действий, голода и болезней есть множество мемуарных свидетельств, но нет обобщённых статистических сведений. Сбор их, по сути, только начинается. Так, в г. Котельнич Кировской обл. (численность населения 27 тыс. человек) открыт памятник эвакуированным, на котором выбиты 2 796 имён похороненных там беженцев.

Поскольку картотеки неполны, большую роль в изучении процесса эвакуации может сыграть устная история (опрос бывших беженцев и их соседей по месту проживания). Эти материалы помогут оценить полноту хранящихся в архиве данных и соотношение организованной и стихийной эвакуаций.

¹² *Малюженко Л.* Київ, 1942. Управа міста Києва. Статистичний відділ. Київ, 1943. С. 21—22.

¹³ Из отчёта Киевского горкома партии обкому КП(б)У // Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 289.

¹⁴ *Скоробогатов А.В.* Харків у часи німецької окупації. 1941—1943. Харків, 2006.

¹⁵ Из постановления Запорожского обкома КП(б)У и облисполкома о мероприятиях по переселению колхозов из Запорожской области // Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 264.